

Е.В. БАЛАЦКИЙ

Когнитивно-институциональный синтез Д. Норта

В статье дается обзор взглядов Д. Норта на динамику процесса экономических изменений. Особое внимание уделено взаимодействию технологий и институтов, а также когнитивной основе институциональных изменений. Рассмотрены причины неэргодичности экономических систем.

Ключевые слова: эволюция экономических процессов, институты, функции институтов, механизмы социальной эволюции, механизмы когнитивных процессов.

The article provides an overview of the views of D. North on the dynamics of the process of economic changes. The particular importance is given to the interaction of technology and institutions, as well as the cognitive basis of institutional change. There are elaborated causes of non-ergodicity of economic systems in the article.

Keywords: evolution of economic processes, institutions, functions, institutes, mechanisms of social evolution, mechanisms of cognitive processes.

В России вышла на русском языке очередная книга Д. Норта “Понимание процесса экономических изменений” (М., 2010). Все работы этого автора по институционализму оригинальны и содержательны, и последняя книга не нарушает этой традиции. В ней сделана новаторская попытка построения единой теории, описывающей механизмы мышления человека и механизмы институциональных и общественных изменений. То, что в конечном счете получилось у Норта, можно условно назвать *когнитивно-институциональным синтезом*, который лежит в русле современных представлений о характере экономической науки [Полтерович, 2011]. Книга Норта не только обобщает имеющиеся знания, но и изобилует поистине удивительными прозрениями и тончайшими наблюдениями. В этой связи синтетическая картина Норта заслуживает самого пристального внимания, что и предопределило содержание данной статьи.

Институты, их содержание и свойства

Центральное звено учения Норта – понятие институтов, то есть системы отношений между экономическими агентами (формальные и неформальные “правила игры”). Это уже устоявшееся представление, но к нему Норт добавляет новые элементы. В частности, он говорит о двух функциях, выполняемых институтами: создание *ограничений* и создание *стимулов* (с. 104). Преимущество такой двухзвенной схемы проявляется в двух аспектах.

Во-первых, она позволяет избежать односторонности, которая часто возникает из-за того, что при рассмотрении институтов нередко учитывается только аспект ограничений и упускается их стимулирующая роль. Так, при трансплантации прогрессивных институтов их дисфункция преимущественно объясняется именно отсутствием

стимулов. Типичным примером может служить создание в России национальной инновационной системы, которая, будучи внешне похожа на свои западные образцы, не содержит стимулирующих норм. И наоборот, китайцы, сконструировавшие довольно примитивную систему семейной ответственности, создали тем самым эффективную структуру стимулов, позволившую им осуществить стремительное экономическое развитие (с. 228).

Во-вторых, рассмотрение институтов в плоскости “ограничения-стимулы” позволяет выстроить диалектику их статических и динамических свойств. Для этого Норт переводит рассмотрение проблемы в другие координаты. Так, он акцентирует внимание на том факте, что институты должны одновременно обладать двумя, казалось бы, противоречивыми свойствами – *жесткостью* и *гибкостью* (с. 155). Остановимся на этом аспекте проблемы более подробно.

С одной стороны, общественный порядок требует *устойчивости* институтов, чтобы экономические агенты могли их понять, осознать и выстроить свои действия в соответствии с ними. В противном случае непрерывная смена правил игры приведет к хаосу и разрушению социальной основы существования социума. Жесткость институтов по Нарту подразумевает прежде всего запрет на оппортунистическое поведение, в том числе с помощью разнообразных санкций. Именно в сужении диапазона принимаемых политических решений Норт усматривает одно из главных преимуществ США по сравнению с другими странами мира. Иными словами, свойство жесткости институтов играет *тактическую* роль, препятствуя росту волатильности политических и экономических решений субъектов и тем самым препятствуя “разносу” социальной системы. С другой стороны, избыточная жесткость и консервативность институтов рано или поздно вызывает стагнацию системы, не позволяя ей воспринимать и внедрять прогрессивные нововведения. Следовательно, институты должны обладать некоторой гибкостью, позволяющей им своевременно адаптироваться к новым реалиям внешнего мира и генерируемым системой прогрессивным инновациям. В контексте данного свойства США, идущие в авангарде технологических и социальных изменений, также выгодно отличаются от многих стран мира. Тем самым свойство гибкости институтов, заключающееся в перенастраивании системы на новую траекторию развития, ответственно за общественный прогресс и играет *стратегическую* роль.

Таким образом, по-настоящему эффективные институты в *краткосрочном* периоде должны обладать свойством стабильности (жесткости), а в *долгосрочном* – свойством адаптивности (гибкости). Подавляя опасные текущие поведенческие девиации, институты тем не менее должны постоянно эволюционировать под воздействием глобальных технологических сдвигов. При этом система институциональных ограничений ответственна за достижение краткосрочных целей, а система мотивации – долгосрочных. Такая диалектика двух составляющих институтов дает прекрасный аппарат для понимания успехов и неудач разных стран и народов.

Перекладывание рисков как вектор социальной эволюции

Одно из неожиданных и поразительных прозрений Норта состоит в уяснении им вектора эволюции общества: *мир развивается путем перекладывания рисков из физического мира в социальный*. Накапливаемые человечеством знания ведут к появлению новых технологий и росту власти над физическим миром, снижая тем самым неопределенность физической среды. Однако такие сдвиги ведут к формированию новых институтов и усложнению социальной среды, становясь источником совершенно новой, социальной неопределенности (с. 38). Общая схема перекладывания рисков приведена на рисунке 1.

Чтобы лучше понять логику экономической эволюции, для начала следует уяснить тонкое различие между риском и неопределенностью. Норт придерживается трактовки Ф. Найта, где под риском понимается состояние, в котором имеется возможность получить распределение вероятностей исходов таким образом, чтобы застраховать их

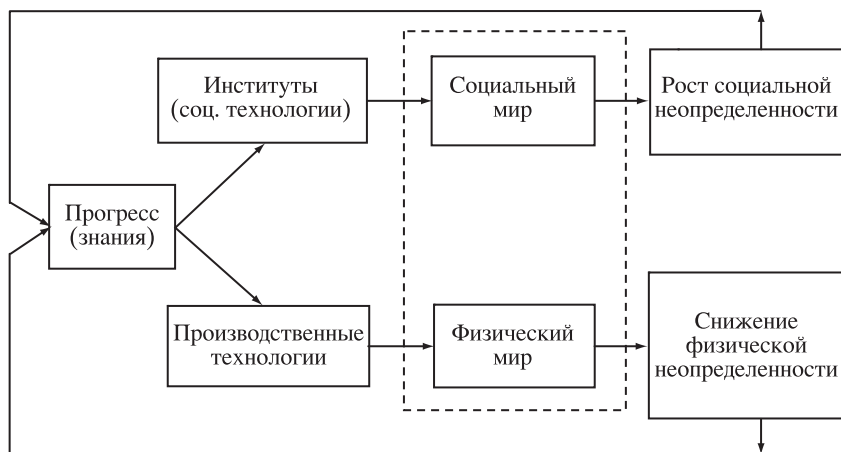

Рис. 1. Система перекладывания рисков из физического мира в мир социальный.

(с. 27). Иными словами, *риск – это оцифрованная неопределенность*. Отсюда понятно, что перевод неопределенности физической среды в риск требует соответствующей системы учета и статистики. И Норт дает блестящую интерпретацию перекладывания физической неопределенности в социальную на примере страхования мореплавания.

Так, купец, отправивший судно с грузом в дальние страны с надеждой получить прибыль от этой операции, находился в состоянии полной неопределенности и чрезвычайно высокой коммерческой уязвимости. Его корабль может налететь на рифы, попасть в шторм, его груз может испортиться в неподходящем климате, на судно могут напасть пираты, все члены команды могут стать жертвой аборигенов, и т.п. Активная торговля при таких обстоятельствах была невозможна. В ответ на этот вызов в XV в. стал формироваться институт страхования морских перевозок, который предполагал сбор и анализ информации о кораблях, грузах, маршрутах, времени пути, кораблекрушениях, повреждениях и т.п. (с. 33). На данной основе начали внедряться спорадические отдельные контракты, предусматривающие частичное покрытие убытков. Затем эти спорадические акты переросли в стандартные контракты на специализированных готовых бланках, выпускаемых соответствующими компаниями. Параллельно деловая организация эволюционировала в сторону внедрения механизмов диверсификации портфеля, объединения нескольких инвесторов и формирования акционерных компаний. Одновременно шло создание кодексов поведения братств, орденов и купеческих гильдий, соблюдение которых обеспечивалось механизмом ostracism. Затем эти кодексы модифицировались в торговое право, постепенно слившись с обычным и римским правом, а надзор за их соблюдением взяло на себя государство (с. 190). В результате все физические риски стали оцифрованы и полностью прозрачны для экономических агентов, однако социальная система, элиминирующая эти риски, усложнилась неимоверно.

Сегодня мы можем на каждом шагу наблюдать проявления этой глобальной тенденции. Например, сидя дома зимним вечером, мы пожинаем плоды подавления физических рисков: у нас есть свет, тепло, на нас не капает и не дует. Развитие технологий обеспечило нам благоустроенный быт. Однако, выходя из дома, мы попадаем в сложный социум, наполненный всевозможными социальными рисками. Автодорожные происшествия, авиакатастрофы, экологические бедствия, лесные пожары и прочее являются следствием не совершенства современных технологий, а воздействия человеческого фактора, который непосредственно вплетен в паутину социальных рисков и отражает несовершенство социальной системы.

Нарисованная картина эволюции провоцирует вполне закономерный вопрос: а как долго могут риски перекладываться из физического мира в социальный? Не грозит ли такое развитие событий взрывом постоянно усложняющегося социального мира?

И Норт отвечает на эти вопросы самым естественным образом: борьба с неопределенностью, связанной с физическим окружением, дополняется борьбой с неопределенностью, вызванной возрастанием сложности людского окружения (с. 183). Результат нового вида борьбы – внедрение все более эффективных институтов. Говоря словами Норта, постепенная экономическая эволюция привела к *смещению ее фокуса*: если раньше все усилия человечества были направлены на развитие производственных технологий, то теперь они направлены преимущественно на формирование эффективных социальных технологий (институтов).

Надо сказать, что осознание Нортом вектора эволюции – большое достижение. Оно раскрывает логику всех разнообразных изменений, которые имели место в истории человечества. К этому результату постепенно приходят и другие исследователи на основе несколько иных соображений. Например, И. Лавровский использует понятие размера экономики и окружающей среды. Пока экономика мала, ее влияние на жизнь людей незначительно по сравнению с влиянием экологии и окружающей среды. Однако примерно за 4 тыс. лет до н.э. происходит переход количества в качество: люди заселяют наиболее благоприятные для жизни территории, начинаются ускоренный рост населения и формирование центров цивилизации. В этих центрах концентрируются экономические ресурсы, в результате чего рост производства превышает некую критическую массу, за пределами которой его влияние на жизнь людей становится больше, чем влияние окружающей среды [Лавровский, 2010, с. 30]. Несложно видеть, что независимо сконструированные схемы Лавровского и Норта очень похожи, что служит дополнительным доказательством их правильности.

Развивая свою мысль, Норт приходит к пониманию того, что апофеозом социально-экономического развития Западного мира стало появление *системы обезличенного обмена* (с. 190). Можно сказать, что *капитализм осуществил тотальное оцифровывание окружающей среды*. Сегодня мы видим, что многие богатые люди считают своей сущностной характеристикой величину их богатства. И этот процесс распространяется на всё и на всех. После процедуры оцифровки объектов никому уже не интересны их качественные признаки и характеристики, всех интересует только их цена. Таким образом, современный капитализм реализовал давнюю формулу Пифагора о том, что «всё есть число».

Однако оцифровывание мира с сопутствующим ему переходом от конкретного к абстрактному приводит к так называемому *отчуждению*. Э. Фромм интерпретирует его как своего рода психический недуг, когда «человек ощущает себя не активным носителем собственных сил и богатства личности, а лишенной индивидуальных качеств “вещью”, зависимой от внешних для нее сил, на которые он перенес свою жизненную субстанцию» [Фромм, 2005, с. 147]. Большое значение феномену отчуждения уделял и К. Маркс при рассмотрении процессов производства и распределения благ. Сегодня явление отчуждения лежит в основе разнообразных социальных символов, экономических брендов и культов. Главное же состоит в том, что отчуждение ведет к потере *смыслов* жизни и деятельности человека, что в свою очередь порождает паралич его *воли и творческих способностей*. В результате возникает больное общество, состоящее преимущественно из отчужденных личностей. В этом случае все социальные риски многократно возрастают. Достаточно указать, что в соответствии с учением К. Юнга, паралич воли порождает *компенсаторные эффекты* в психике человека, связанные со стихийным проникновением в его сознание из глубин подсознания негативных и разрушительных коллективных архетипов. Большинство из них обусловлены первобытными инстинктами, насилием и жестокостью [Юнг, 2010, с. 42–43]. В частности, по мнению Юнга, именно действие компенсаторных бессознательных сил привело к становлению нацизма в Германии накануне Второй мировой войны со всеми вытекающими отсюда последствиями [Юнг, 2010, с. 47].

Таким образом, продвижение по пути перекладывания рисков из физического мира в социальный сопровождается ростом нагрузки на институты и психику человека. Понимание этого простого факта дает ключ к пониманию многих проблем современности.

Институты и рынки: диалектика взаимосвязи

Сделав акцент на рассмотрении институтов, Норт не мог обойти молчанием проблему рынка и рыночных отношений. И здесь ему также удастся внести ясность во многие тонкие вопросы. Есть множество разнообразных определений рынка. Одно из них: *рынок – это трансцендентная система согласования интересов экономических агентов посредством купли-продажи благ*. Из него автоматически вытекает вывод о непредсказуемости рынков, ибо никакая логика не может выразить многообразный и противоречивый рыночный механизм взаимодействия хозяйствующих субъектов и установления рыночных цен. При этом рынки могут быть “хорошими” и “плохими”, эффективными и неэффективными. Что же делает их таковыми?

Норт дает простой ответ на поставленный вопрос: институты. Здесь обнаруживается интересная связка между *знаниями, ценами, транзакционными издержками и институтами*. С течением времени человечество генерирует и накапливает знания, благодаря которым осуществляется специализация и разделение труда, лежащие в основе роста производительности и прогресса. Но разделение труда сопровождается разделением и дифференциацией знаний, что само по себе является серьезной проблемой, ибо все эти знания должны быть, в конечном счете, объединены и упорядочены. Это объединение и упорядочение осуществляется институтами, а отнюдь не рыночными ценами (с. 112). Расшифровывая это положение, Норт констатирует, что специализация, разделение труда и разрозненные знания порождают рост транзакционных издержек и усложняют процесс установления адекватных рыночных цен. Эта закономерность в значительной мере объясняет наблюдаемый неуклонный рост транзакционных издержек в мире. Но эта тенденция не безгранична из-за наличия корректирующей *обратной связи* в виде внедрения более эффективных институтов, которые влекут рост общей экономической эффективности, а следовательно, снижение транзакционных и производственных издержек (с. 227).

Из сказанного почти автоматически вытекает переосмысление феномена *экономического роста*. По мнению Норта, рост – отнюдь не некая функция от знаний и технологий, как это традиционно полагают экономисты. В описании роста должен фигурировать еще один фактор – институты, которые “собирают” и упорядочивают знания и технологии. В свою очередь институты тесно связаны с культурой (с. 223). Любопытно, что если пользоваться упрощенной двухфакторной моделью, то будущее человечества представляется безоблачным, ибо рост полезных знаний и технологий продолжается. Однако трехфакторная модель Норта рисует совсем иную картину: нехватка культуры и отсутствие эффективных институтов могут нейтрализовать позитивное влияние знаний и технологий. По крайней мере, для многих стран и народов.

Продолжая данную линию анализа, можно прийти к итоговой довольно изящной формуле: *эффективные институты + эффективные агенты = эффективные рынки*. Под эффективными рынками понимается эффективная система цен, возникающая как следствие эффективной рыночной системы, то есть эффективных системных элементов (агентов) и связей (институтов). Что же мешает создать эффективные институты?

По версии Норта, плохие институты вовремя не исправляются, потому что обратная связь в виде информации об их работе содержит столько “шумов”, что их довольно трудно очистить и получить ясный сигнал (с. 225). Проблема усложняется и тем, что сигнал должен быть получен вовремя. Таким образом, прежде чем сконструировать обновленные институты, необходимо понять работу старых, а это само по себе нетривиальная задача.

Однако еще большие проблемы в формировании эффективных институтов возникают из-за рассогласования *горизонтов планирования*, которые необходимы для институтов и которыми оперируют политики, принимающие и одобряющие институциональные решения. Норт полагает, что *период окупаемости* институциональных изменений больше периода окупаемости решений политиков, что создает заслон на пути прогрессивных политических решений (с. 225). Можно сказать, что в основе медленного институционального прогресса лежит противоречие между *долгосрочным* характером проявления эффективности институтов и *краткосрочным* характером эффективности действий игроков политической системы. На мой взгляд, введение Нортом в рассмотрение горизонта планирования вносит новые краски в понимание экономической динамики.

В этой связи своевременной представляется трактовка Лавровским понятия рынка как совокупности взаимодействующих между собой *планирующих* агентов [Лавровский, 2010, с. 59]. Сама же процедура планирования может трактоваться как способ понижения социальных рисков. Если на рынке в качестве специфического игрока появляется еще и государство с присущей ему централизованной системой планирования, то в целом это приводит к понижению системных рисков. Уже только этот факт приводит к тому, что страны с дефицитом планирования становятся финансовыми донорами стран с эффективно планируемой экономикой [Лавровский, 2010, с. 60]. Тем самым перепады в горизонтах и системах планирования разных стран задают вектор циркуляции мирового капитала. Однако при всей важности подобных эффектов современная экономическая теория избегает моделей взаимодействия игроков с разными горизонтами планирования. Отчасти это связано с повышенной сложностью таких моделей. Между тем уже есть множество работ, в которых показана решающая роль горизонта планирования в принятии технологических и институциональных решений (см. [Балацкий, 2002; 2003]).

Итак, рынок можно трактовать и как конкуренцию систем планирования отдельных экономических агентов. При возникновении явных преимуществ некоторых из таких систем на рынке возникают локальные зоны с пониженными социальными рисками, выступающими в качестве центров притяжения капитала и других экономических ресурсов, а концентрация ресурсов ведет к появлению очагов более интенсивного экономического роста.

Неэргодический мир и механизм социальной эволюции

Понимание трансцендентной сущности рынков и институтов позволяет сделать шаг к теории познания. При этом гносеологические проблемы у Норта смыкаются с механизмами социальной эволюции. Рассмотрим эти вопросы подробнее.

Сразу скажу, что Норт в своем понимании социума отталкивается от факта его неэргодичности¹. Во всяком случае для десяти тысячелетий человеческой истории эргодическая гипотеза не выполняется. Норт делает блестящее и чрезвычайно важное заявление: экстраординарные изменения в экономике свидетельствуют о том, что мы создавали и создаем общества, являющиеся *уникальными* по сравнению со всем, что имело место в прошлом. Изменения, осуществляемые нами сегодня, порождают новую и во многом неожиданную среду завтра. Неожиданную в том смысле, что у нас нет исторического опыта, который подготовил бы нас к встрече с ней (с. 37). Причем речь идет о преобразовании как физической, так и социальной среды. На этом основании Норт задается сакраментальным вопросом: если мы постоянно заняты созданием нового, *небывалого прежде* мира, то насколько хороша для его описания теория, созданная на основе прошлого опыта? Ответ напрашивается сам собой – она не годится.

¹ Напомню, что эргодическими называются процессы, для которых средние величины прошлых и будущих периодов совпадают или различаются незначительно (с. 36).

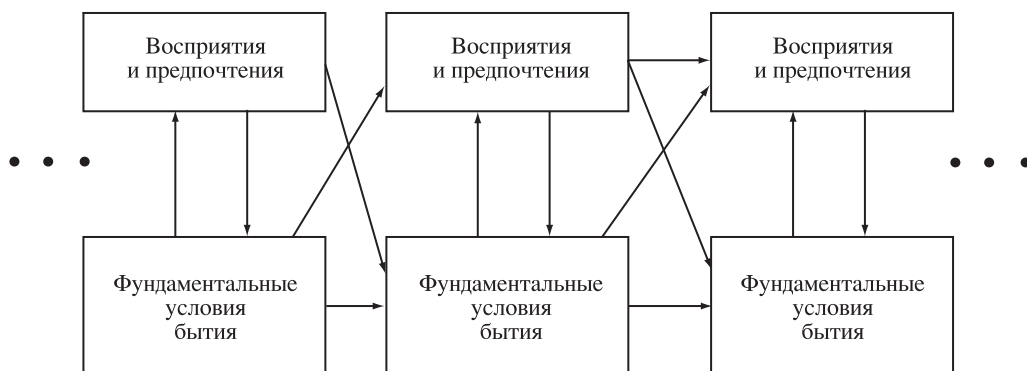

Рис. 2. “Шнуровочная” концепция истории Сороса.

В этом пункте анализа Норт методологически очень близок Н. Талебу, который утверждает, что в социуме периодически возникают уникальные события – своего рода “черные лебеди”, предсказать которые нельзя [Талеб, 2009]. Однако еще большее сходство схемы Норты просматривается со “шнуровочной” концепцией истории Дж. Сороса. Данная концепция – следствие теории рефлексивности, развитой в работах [Сорос, 1996; 1999]. Ее суть сводится к следующему.

Все события могут быть условно разделены на две категории: *повседневные (случайные)*, не вызывающие изменений в восприятии людей, и *исторические (уникальные)*, влияющие на сложившиеся мнения участников и ведущие к дальнейшим изменениям господствующих условий [Сорос, 1996, с. 67]. Благодаря именно второй группе событий реальность не колеблется вокруг некоего заданного равновесного состояния, что не позволило бы реализоваться исторически значимым сдвигам, а постоянно меняется. Вполне естественно, что при этом большинство исторических событий не имеет ни регулярной формы, ни повторяющейся модели [Сорос, 1996, с. 69]. В этом смысле все исторические события уникальны и, как правило, не повторяются, что может служить своеобразным теоретическим обоснованием тезиса “история ничему не учит”.

Согласно Соросу, история представляет собой рефлексивный процесс, в котором *фундаментальные условия* (реальность) находятся в постоянном взаимодействии с *восприятиями и предпочтениями* (взглядами, мыслями и идеями людей). В результате последовательность событий не ведет напрямую от одного набора фактов к другому; вместо этого она перекрестным образом, наподобие шнурка от ботинок, соединяет факты с их восприятиями, а восприятия с фактами [Сорос, 1999, с. 51]. Образно говоря, концепция рефлексивности предполагает “шнуровочный” механизм исторического процесса [Сорос, 1999, с. 52] (см. рис. 2). Иными словами, некие фундаментальные ценности и идеи движут людьми, которые в соответствии с этими идеями изменяют реальный мир. Однако произошедшие изменения могут быть настолько значительными, что вызывают массовую переоценку ценностей, смену идеологических установок и доктрин. В дальнейшем новые идеи и базирующиеся на них социальные парадигмы инициируют очередную волну событий, и т.д.

Таким образом, *история есть процесс рефлексивного взаимодействия господствующих в обществе идей и ценностей с господствующими материальными условиями жизни и организации общества*. Одна сторона этого взаимодействия материальна, другая – идеальна. Эти две стороны никогда не совпадают, а расхождения между ними формируют состояния либо близкие к равновесию, либо далекие от него, тем самым определяя дальнейший ход событий. Отсутствие соответствия между материальным и идеальным может усиливать предвзятое мнение участников истории, в конечном итоге делая это мнение причиной реальных событий. Следовательно, *ошибки и неверные трактовки событий* играют в исторических процессах решающую роль.

Следует заметить, что рефлексивная концепция истории Сороса представляет собой теоретическую конструкцию, которую можно рассматривать в качестве синтеза идеалистической диалектики Г. Гегеля и материалистической диалектики К. Маркса и Ф. Энгельса. Если же провести параллели между схемами Норта и Сороса, то notably сходство разделения мира: на физическую и социальную среду (у Норта) и на материальные условия жизни и их восприятие людьми (у Сороса). Некоторое смещение акцентов в двух схемах, конечно, все-таки наблюдается, но оно не существенно. Общий же пафос упомянутых концепций Норта, Сороса и Талеба прост – мир, в котором мы живем, неэргодичен и принципиально непредсказуем. Подобное единство мнений и теоретических построений столь авторитетных специалистов позволяет говорить о наметившемся мейнстриме в понимании экономической динамики.

Современными экономистами рынок рассматривается в качестве той или иной разновидности игры. Почти все рыночные взаимодействия сегодня описываются игровыми моделями. При этом сама игра изначально предполагает некие базовые правила (институт). И уже здесь просматривается направленная эволюция, делающая мир неэргодическим в долгосрочном аспекте. Речь идет об одной *тенденции, состоящей в дрейфе от игр с нулевой суммой к играм с положительной суммой* (с. 100). Как справедливо отмечает Норт, большую часть своего существования люди рассматривали экономику как игру с нулевой суммой, когда выигрыш одних достигался за счет проигрыша других. Такое понимание было характерно для начального этапа перехода от неопределенности физического мира к неопределенности мира социального. В ряде случаев стандартная конкуренция “переливалась” в абсолютно неэффективное взаимодействие – игры с отрицательной суммой. Типичным примером такой игры может служить институт кровной мести (с. 115). Однако по мере развития общества начинают формироваться институты, поддерживающие различные формы кооперации и реализующие принцип игр с положительной суммой. Совершенно очевидно, что рынки, в основе которых лежат разные игровые правила, функционируют по-разному. Более того, сегодня действует множество локальных рынков, основывающихся на всех трех принципах игровых взаимодействий. Их наложение и слияние делает работу общего рынка поистине трансцендентной и непостижимой.

Теперь зададимся главным вопросом: что же лежит в основе социального и технологического прогресса? Ответ Норта опять-таки прост: эффективные институты. Их сущностные признаки в том, что они поощряют и позволяют реализовывать разнообразные технологические и социальные *эксперименты* (с. 222). Только посредством эксперимента, основанного на *методе проб и ошибок*, человечество может генерировать плодотворные инновации, которые в свою очередь качественно меняют общество. Наличие множества альтернативных инноваций обеспечивает запуск механизма *отбора*, приводящего к “выживанию” лучших (с. 198). Только наличие альтернативных возможностей и проявлений человеческой креативности с последующей селекцией хорошо себя зарекомендовавших инноваций создает трансцендентный и непостижимый механизм рынка, приводящий к необратимым социальным изменениям.

Однако это не все. Что необходимо для формирования эффективных институтов? Ответ Норта жесткий и бескомпромиссный: необходима личная *свобода* человека, которая обеспечивается конкурентной *децентрализованной* политической средой (с. 197). В этой точке анализа Норт оказывается созвучен З. Бауману, который полагает, что свобода и подвижность выступают в качестве главных конкурентных преимуществ как отдельных индивидуумов, так и целых стран [Бауман, 2008].

Тезис Норта об эволюционной плодотворности децентрализованной власти многими исследователями не может быть принят. Хорошо известно, что тоталитарные режимы и мобилизационные системы организации экономики позволяют в ряде случаев получать колоссальные технологические и социальные результаты. Примеры СССР и современного Китая дают яркие доказательства этого. Однако Норт приводит не менее убедительное объяснение того, почему именно Европа оказалась в авангарде истории современной цивилизации. Норт полагает, что это движение не возглавили,

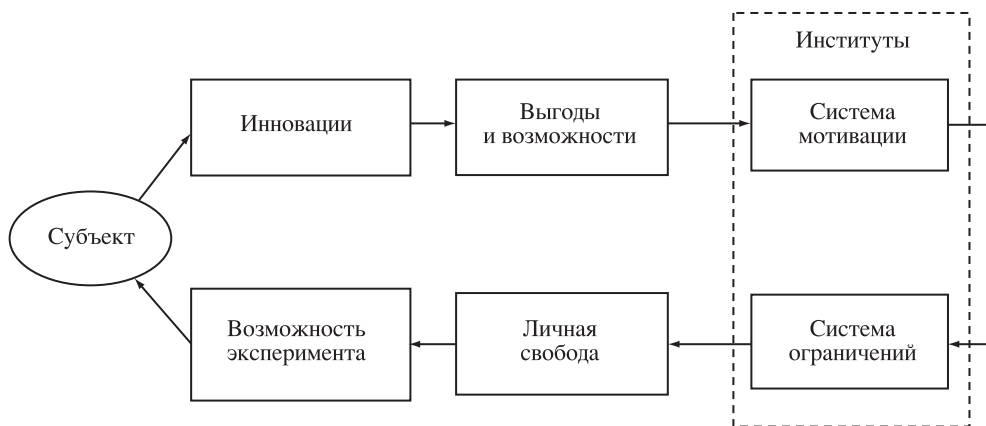

Рис. 3. Схема экономической эволюции.

например, Китай и исламский мир именно по причине слишком жесткого централизованного политического контроля над всей экономической жизнью (с. 197). Европа, наоборот, была раздробленной и децентрализованной, что и позволило ей испробовать различные сценарии развития, и некоторые из них прекрасно сработали.

Таким образом, Норт логически подводит нас к выводу о плодотворности свободных рынков и минимального вмешательства государства в экономику. В общем виде взгляды Норты на социальную эволюцию представлены на рисунке 3.

Когнитивная основа институтов

Нарисованная выше картина экономической динамики учитывает лишь поверхностный срез системы, связанный с социальными взаимодействиями. Не менее важен для данной темы и ее глубинный аспект, затрагивающий особенности мышления человека. Исходная точка здесь такова: институты придумываются и внедряются людьми на основе осознания ими тех или иных аспектов своего бытия. Но если механизмы человеческого мышления универсальны, то почему эффективность институтов разных стран так сильно разнится? Почему одни народы быстро и точно реагируют на вызовы времени, а другие веками не могут даже скопировать то, что придумано и апробировано другими?

Для ответа на эти вопросы Норт углубляется в современную когнитивистику. Какие же моменты здесь следует иметь в виду, чтобы понять динамику институтов? Во-первых, врожденное свойство сознания состоит в генерировании объяснений окружающего мира, даже заведомо неадекватных (с. 48). Человек никогда не отказывается от объяснений. Фактически здесь действует принцип: лучше иметь нерациональные и неправильные теории, чем не иметь их вовсе. По-видимому, в основе такой ментальной установки лежит потребность преодоления *когнитивного диссонанса*. Согласно Л. Фестингеру [Фестингер, 1999], комфортное самоощущение человека в мире обеспечивается за счет минимизации расхождений между чувствами (ощущениями), мыслями (убеждениями) и действиями (поведением) человека. Иначе возникнет паралич воли и активности.

Во-вторых, все созданные людьми ментальные конструкторы представляют собой смесь “рациональных” и “нерациональных” представлений, совместно формирующих совершаемый ими *выбор* (с. 25). Такая структура представлений обусловлена тем обстоятельством, что всегда все теории окружающего мира несовершенны и содержат некий остаток, не подлежащий рациональному объяснению. “Заполнение” этого остатка, как правило, происходит в иррациональных терминах (суеверия, мифы, религии, колдовство, магия, предрассудки, догмы и т.п.) (с. 31). Доминирующие мен-

тальные конструкты либо способствуют, либо мешают созданию продуктивных институтов. Причем снятие неопределенности в объяснении физического мира понижает долю “нерационального” остатка в соответствующих представлениях, но это вызывает усложнение социального мира, в объяснении которого доля такого остатка снова возрастает.

В-третьих, любая неопределенность снижается путем приращения знаний (с. 113). Но каких знаний? Оказывается, только специальные знания ведут к росту экономической эффективности. Правда, эти *специальные знания* приобретают высокую ценность и рыночную оценку лишь в том случае, когда их можно интегрировать во *вспомогательные знания* ценой небольших затрат (с. 173). А это отнюдь не всегда возможно. Типичный пример: человек из развивающейся страны, получивший углубленные знания по химии, будет гораздо выше оценен в развитых странах; более того, найти на родине работу, адекватную его знаниям, будет гораздо труднее, чем за рубежом. Скорее всего, этот человек рано или поздно мигрирует за границу. Следовательно, накопление знаний в определенной точке социального пространства само по себе еще не ведет к понижению неопределенности, ибо зависит от уже существующих институтов. Данный тезис автоматически подводит к пониманию того, что эффективные институты стран служат центрами притяжения знаний, а потому выступают в качестве их главного конкурентного преимущества.

В-четвертых, сознание не воспроизводит реальность, а создает системы классификаций, позволяющих интерпретировать внешнюю среду (с. 56). Это утверждение восходит еще к Ф. Хайеку, согласно которому восприятие всегда является *интерпретацией*. А как утверждал Юнг, богатство ума заключается в умственной *восприимчивости*, а не в способности аккумулировать сведения [Юнг, 2010, с. 155]. Если это так, то интеллектуальная эволюция человека идет не путем развития ума, а путем его расширения и перенастройки. Сегодня эта тема – центральная в когнитивистике. Представителей данной науки по отношению к ней можно разделить на два больших лагеря – собственно когнитивистов, полагающих, что разум человека работает благодаря наличию врожденной *логики*, и коннективистов, считающих, что в его основе лежат некие *шаблоны* (с. 111). По всей вероятности, реально задействованы оба механизма, однако, если процесс познания в большей степени опирается на шаблоны, чем на символы, то это предполагает совершенно иной способ решения человеком новых проблем (с. 112).

В-пятых, экономическое равновесие зависит от ментальных интерпретаций. Совокупность устоявшихся в обществе объяснений и интерпретаций представляет собой его культуру, которая, накладываясь на процесс общего обучения человека, на его опыт решения локальных повседневных проблем, формирует его текущие интерпретации мира. Индивидуумы с разным культурным наследием одно и то же явление интерпретируют различным образом. В свою очередь, разные решения приводят к возникновению совершенно разных рыночных *равновесий*. Так возникает “эффект колеи”, состоящий в зависимости текущего состояния экономики от ее предыдущих состояний.

В-шестых, процесс интерпретации окружающего мира представляет собой сложную и неустойчивую смесь когнитивных и аффективных процессов. В рамках современной нейроэкономики действует классификация процессов выбора в виде комбинаций *когнитивных*, *аффективных*, *контролируемых* и *автоматических* процессов, образующих матрицу 2×2 . При этом проводимые исследования показывают, что аффективная (эмоциональная) составляющая выбора приводит к асимметрии экономических решений, частным случаем которой выступает отказ от сделок, сулящих совершенно определенные выгоды. Во многих экспериментах выявлены систематические отклонения от равновесной стратегии игры под воздействием аффективных процессов [Трофимов, 2006, с. 5, 11, 12]. Побочные эмоциональные механизмы принятия решений довольно часто приводят к нерациональным и аномальным эффектам. Хорошо известно, что целые нации и народы сильно различаются по темпераменту и

степени эмоциональности, что само по себе влияет на конструирование институтов, делая этот процесс иррегулярным и непредсказуемым.

Рассмотренные выше особенности когнитивного процесса наглядно демонстрируют то обстоятельство, что адаптивность народов к новым реалиям может существенно различаться, порождая в свою очередь глубокие институциональные различия в мировой экономике.

Исторические трактовки и интерпретации

Теоретические рассуждения о механизмах экономических изменений имеют большое познавательное значение. Однако самостоятельный интерес представляют и конкретные исторические интерпретации, которые делает Норт в своей книге. Остановимся только на нескольких, на мой взгляд, самых любопытных его трактовках.

Пожалуй, самое серьезное умозаключение Норта касается того, что феномен экономического роста – не правило, а исключение из правила. Несмотря на то, что в последние два столетия экономический рост превратился в норму общественной жизни, Норт настаивает на том, что это уникальное явление и в скором времени оно может “захлебнуться”. История показывает, что экономический рост был исключением, а правилом – стагнация и упадок, которые отражали хроническую тенденцию к организационным провалам. Число неудач намного превышает число успехов (с. 193). Упадок возникает при отсутствии институциональных стимулов к участию в производственной деятельности из-за чрезмерного политического контроля за экономикой. А создание стимулов – искусство, овладение которым ничем не гарантировано.

Сегодня предостережение Норта особенно актуально, если учесть, что мировая экономика еще не оправилась от финансового кризиса 2008 г. и стоит на грани повторного спада. Последний кризис поставил на повестку дня масштабную институциональную реформу мировой финансовой системы, и нет никаких гарантий, что человечеству удастся справиться с этим вызовом.

Еще одну интересную интерпретацию Норт дает для процесса возникновения и чередования экономических и финансовых центров мира. Например, Дж. Арриги констатирует, что триумф генуэзской модели финансового капитализма, начавшийся примерно в 1560-х гг., закономерно сменился голландским господством, стартовавшим в 1740-х гг., после чего эстафета в 1870-х гг. была передана британской системе, а в 1970-х гг. – американской [Арриги, 2009, с. 42]. В основе такой рециркуляции капитала, по мнению Арриги, лежит процесс исчерпания возможностей реальной экономики и переход соответствующих стран к построению финансовых систем, которые со временем также подвергались процессу эрозии нормы прибыли. Однако его концепция ничего не говорит о том, почему старый финансовый центр перемещался в очередное территориальное образование, а также почему именно в тот центр, а не в какой-то другой.

Норт в эту схему вносит неэргодическую трактовку. Согласно его концепции, в новых центрах к тому моменту сложились более эффективные институты, то есть там было меньше ограничений и больше стимулов для реализации различных инноваций. При этом попытки развития делали все. Например, Голландия и Англия получили от стран-аутсайдеров неопределимые “подарки”: от Италии – банковское дело и искусство, от Португалии – новые приемы навигации и мореходства, от Германии – печатный станок (с. 198). Все эти великие инновации не были адекватно капитализированы в центрах происхождения, тогда как страны с лучшими институтами “втянули” их и использовали для собственного экономического доминирования.

Подобная трактовка смены финансовых центров мира дает иррегулярный динамический рисунок и противостоит квазициклической схеме Арриги. У последнего периодичность циклов образует следующую цепочку (в годах): 180→130→110→100. Такая закономерность позволила Арриги утверждать, что вероятность заката эпохи США больше, чем ее сохранения, и она уже фактически началась [Арриги, 2009,

с. 49]. Однако концепция Норта эти прогнозы переводит в другое русло: все решит то, чьи институты будут более эффективными. Не исключено, что все циклические закономерности будут нарушены, и США на много лет (а, может, и десятилетий) сохранят свое лидерство.

Следует еще раз упомянуть животрепещущий “вечный” вопрос: что лежит в основе возвышения Европы в качестве центра современной цивилизации? Работа Норта дает на него довольно оригинальный ответ: христианская церковь. Во-первых, она донесла до Средневековья культурное наследие античного мира. Во-вторых, церковь долгое время оставалась единственным хранилищем знаний, а монастыри порой служили центрами самого эффективного сельского хозяйства. В-третьих (и это главное!), церковь, создав единую систему верований и идеологических рамок, тем самым заложила единый мировоззренческий базис для дальнейшей относительно синхронной эволюции представлений и взглядов в Европе (с. 184). Наложившись на отсутствие общего экономического и политического порядка, единые мировоззренческие рамки позволили создать своего рода “экспериментальный котел”, где рождались и апробировались различные инновации.

Развивая дальше тезис о роли религии для экономики, Норт утверждает, что структура представлений, воплощенная в христианской догматике, была способна развиваться в направлении, благотворном для экономического роста (с. 196). Несмотря ни на что, христианство постепенно пришло к идее о том, что природа должна служить человечеству и что мир можно и нужно контролировать в экономических целях. Подобные настроения послужили необходимой предпосылкой для последующего технического прогресса. Такой пассаж несколько корректирует взгляды М. Вебера, ибо его жесткой протестантской этике прогресса, возникшей лишь на определенном этапе, Норт противопоставляет более долгосрочное свойство адаптивности христианства (см. об этом также [Лал, 2007]).

Одно из интереснейших наблюдений Норта относится к причине роста и объединения государств. По его мнению, усложнение военных технологий привело к росту размера жизнеспособных политических единиц. Войны стали более дорогостоящими из-за высоких издержек на обучение дисциплинированных войск и повышения расходов на наступательное и оборонительное снаряжение. В таких условиях политическим единицам для их выживания требовалось гораздо больше тех средств, которые обеспечивали личные доходы суверена, получаемые из традиционных феодальных источников (с. 188). Тем самым возникла потребность в увеличении фискальных доходов, что могло быть достигнуто только за счет территориального расширения политических образований. Таким образом, технологические сдвиги вели к глубоким институциональным преобразованиям.

Одновременно происходила “утряска” разумного налогового бремени. Известно, что год войны приводил к четырехкратному росту государственных расходов, но чрезмерное повышение налогов грозило мятежом (с. 202). Здесь мы сталкиваемся с интересным фактом, когда финансовые проблемы выступают ограничителями и стабилизаторами военных действий.

Не менее оригинальной представляется и версия Норта о причинах отмены крепостного права в Европе. Как это ни парадоксально, но главную роль сыграли эпидемии бубонной и легочной чумы, прокатившиеся по континенту в XIV в. Уменьшение населения в указанное время привело к колоссальному дисбалансу между рабочими руками и землей, нуждающейся в обработке. Возникшая конкуренция феодалов за работников требовала их территориальной мобильности, а следовательно, и их свободы. Такая ситуация постепенно привела к пересмотру крепостного права и положила начало формированию капиталистического рынка труда. Тем самым мы видим еще один пример того, как экзогенные шоки вели к глубокой и необратимой трансформации институтов.

В целом когнитивно-институциональный синтез Норта ярко демонстрирует то, насколько упрощенно и неточно описывают современные экономические теории динамику экономических изменений. Без понимания человека и особенностей его мышления, сложных социальных взаимодействий адекватную экономическую теорию построить нельзя. Однако справедливости ради следует сказать, что озарения и обобщения Норта пока не могут дать прочной альтернативной теории. Скорее, они позволяют наметить некие реперные точки, опираясь на которые можно развивать и достраивать его учение. И здесь предстоит большая работа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арриги Дж.* Послесловие ко второму изданию “Долгого двадцатого века” // Прогнозис. 2009. № 1(17).
- Балацкий Е.В.* Функциональные свойства институциональных ловушек // Экономика и математические методы. 2002. № 3.
- Балацкий Е.В.* Экономический рост и технологические ловушки // Общество и экономика. 2003. № 11.
- Бауман З.* Текучая современность. СПб., 2008.
- Лавровский И.К.* Демократия и рынок. М., 2010.
- Лал Д.* Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М., 2007.
- Полтерович В.М.* Становление общего социального анализа // Общественные науки и современность. 2011. № 2.
- Сорос Дж.* Алхимия финансов. М., 1996.
- Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999.
- Талеб Н.Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., 2009.
- Трофимов Г.Ю.* Экономика и нейронаука – на пути синтеза // Экономика и математические методы. Т. 42. 2006. № 4.
- Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. СПб., 1999.
- Фромм Э.* Здоровое общество. Догмат о Христе. М., 2005.
- Юнг К.Г.* Синхрония: акаузальный объединяющий принцип. М., 2010.